

JEL classification: B15, D73, N00
УДК 343.35(470)(091)
DOI 10.17150/2308-2488.2024.25(1).119-149

Д.Ю. Федотов

*Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация;
Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва, Российская Федерация*

Эволюция восприятия коррупционных практик в истории России

Аннотация. Статья посвящена исследованию закономерностей эволюции восприятия коррупционных практик в российской истории. Коррупция является явлением, сопровождавшим человечество на протяжении всей истории его существования. На основании анализа научных трудов авторов, занимающихся исследованием истории коррупции в России, установлено, что коррупционные практики наблюдаются во все времена российской истории. Целью исследования является выявление особенностей изменения восприятия коррупционных практик как противоправных. Гипотезой исследования является тезис о том, что коррупционные практики представляют собой способ приспособления общества к новым формам общественных отношений, сложившимся на определенном историческом этапе развития страны. Выявлены и раскрыты негативные и положительные последствия распространения коррупции. Проанализирована эволюция в России такой коррупционной формы, как кормление, которая заключается в содержании чиновников за счет персональных подарков и подношений частных лиц. Исследованы предпосылки и содержание местничества как способа распределения должностей и осуществления карьерного роста благодаря наличию родственных связей. Рассмотрены различные виды и формы коррупции, применявшиеся на протяжении российской истории. По результатам проведенного исследования сделан вывод о том, что восприятие коррупционных практик и ква-

лификация их в качестве незаконных изменялось на протяжении российской истории, т.к. они являются способом адаптации общественных отношений под изменяющиеся условия социальной среды.

Ключевые слова. Коррупция, история России, кормление, местничество, взятка, институциональная ловушка.

Финансирование. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве РФ.

Информация о статье. Дата поступления 14 февраля 2024 г.; дата принятия к печати 20 марта 2024 г.; дата онлайн-размещения 28 марта 2024 г.

D.Yu. Fedotov

*Baikal State University,
Irkutsk, the Russian Federation;
Financial University under
the Government of the Russian Federation,
Moscow, the Russian Federation*

Evolution of the Perception of Corrupt Practices in the History of Russia

Abstract. The research studied the patterns of evolution of the perception of corrupt practices in Russian history. Corruption is a phenomenon that has accompanied humanity throughout the history of its existence. Based on an analysis of the scientific works of authors engaged in research into the history of corruption in Russia, it has been established that corrupt practices have been observed at all times in Russian history. Negative and positive consequences of the spread of corruption have been identified and disclosed. The evolution in Russia of such a form of corruption as bribery, which consists in supporting officials through personal gifts and donations from private individuals, is analyzed. We author examined the prerequisites and content of localism as a way of distributing positions and achieving career growth as a result of nepotism. The research analyzed various types

and forms of corruption that have been used throughout Russian history. It was concluded that the perception of corrupt practices and their classification as illegal has changed throughout Russian history, because they are a way of adapting social relations to the changing conditions of the social environment.

Keywords. Corruption, Russian history, feeding, localism, bribery, institutional trap.

Funding. The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budget funds on a state assignment to the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Article info. Received February 14, 2024; accepted March 20, 2024; available online March 28, 2024.

Неизменным атрибутом человеческого общества является коррупция. С древнейших времен человека беспокоили коррупционные проявления. Вместе с тем далеко не всегда действия должностных лиц, которые в настоящее время однозначно расценивают как коррупцию, в более ранние периоды истории признавали коррупционными. В частности, в Древнем Китае в эпоху Западного Чжоу (XII–VIII вв. до н.э.) чиновники регулярно и открыто дарили подарки своим вышестоящим начальникам. Эти подарки, сейчас расцениваемые как взятки, в то время носили обязательный характер и по своей сути составляли элемент регулярного налогообложения страны [1, с. 57]. Такие систематические подарки в Древнем Китае стали формой приспособления чиновничества к формирующейся бюрократической системе страны в условиях, когда еще не были выработаны иные механизмы формирования источников содержания профессиональных чиновников, не имеющих других источников доходов (например, земельного надела, который чиновник мог бы обрабатывать и получать с него средства пропитания). И даже негативные последствия коррупции, вызванные возможностью налаживания неформальных связей между чиновниками и получения при переда-

че даров незаслуженных привилегий, долгое время не побуждали государство к отмене этой коррупционной, по современным меркам, формы взаимоотношений с чиновниками.

В современных научных источниках имеется немало определений понятия «коррупция». Н.В. Митрофанов приводит следующее определение данного явления: «коррупция — это злоупотребление публичной властью ради частной выгоды» [2, с. 141]. По мнению А.А. Куаналиева, «коррупция — это превышение должностных прав в личных интересах» [3, с. 70]. В этих определениях отсутствует свойство незаконности коррупционных поступков, что несколько противоречит официальному российскому законодательству, признающему коррупцией (согласно закону от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции») конкретный перечень уголовно наказуемых преступных деяний, включая взяточничество, злоупотребление служебным положением и т.п. Тем самым действия, содержащие коррупциогенные признаки, но не квалифицируемые как уголовные преступления, не признаются коррупцией по российскому законодательству. Перечисление конкретных противоправных деяний, используемое в тексте закона о противодействии коррупции, применяет формальный юридический подход к определению коррупции, который не раскрывает суть данного социального явления. Вместе с тем для юридического документа, каковым является данный закон, скорее всего, большего и не требуется. Перечисление правовых событий при определении коррупционных деяний носит утилитарный характер установления факта преступления по его юридическим признакам. Поэтому, на наш взгляд, выявлять сущности коррупции должны не официальные, а научно-исследовательские определения этого социального явления.

Таким образом коррупцией следует признать и не наказуемые действующим законодательством деяния,

связанные с извлечением личной выгоды от использования служебного положения. Ни в уголовном, ни в административном кодексе в данный момент может не быть конкретной статьи, содержащей действия, которые расцениваются в современном обществе как коррупционные. В то же время коррупционные практики зачастую наносят ущерб иным лицам, чьи права нарушаются коррупционером в свою пользу или в пользу других лиц, для которых должностное лицо совершает коррупционное действие. Коррупционер, используя свое должностное положение, предоставляет заинтересованному лицу несправедливые привилегии, лишая тем самым справедливых прав иных лиц, которым должны быть оказаны какие-то (обычно государственные) услуги. Для признания какого-то действия коррупцией, ему должны быть присущи следующие основные признаки:

- 1) использование должностных полномочий для личных, а не для общественных целей;
- 2) извлечение выгоды (включая материальную и нематериальную);
- 3) причинение ущерба лицам, не вовлеченным в коррупционные действия.

В этой связи, на наш взгляд, незаконность не является обязательным признаком коррупции. Некоторые коррупционные практики признаются несправедливыми и вызывают общественное осуждение, но не предусматривают наказания за их совершение.

Для раскрытия понятия коррупции рассмотрим присущие ей негативные и позитивные последствия. Среди негативных последствий обычно исследователи указывают ущерб экономике страны, наносимый коррупцией. Простимулированные неформальным вознаграждением чиновники могут воспрепятствовать занятию хозяйственной деятельностью тем лицам, которые превосходят в мастерстве и способности в своем деле. Взамен чиновник предоставит право за-

ниматься торговлей или производством взяточдателю, который хуже справляется с хозяйственной деятельностью, но такого взяточдателя и не интересует качество его товаров и услуг, т.к. ему важнее получить и поддерживать доступ к административному ресурсу, который сдержит его конкурентов, способных лучше заниматься экономической деятельностью. В результате подавляется экономическая активность в стране, а население вынуждено покупать менее качественные товары и услуги по более высоким ценам. Вследствие коррупционных деяний в целом снижается качество общественных благ, оказываемых государством, т.к. коррумпированные чиновники заботятся о собственном обогащении в ущерб выполнению возложенных на них функций, в т.ч. за счет государственных средств, которые нужно использовать для создания общественных благ. Из-за расширения масштабов коррупции сокращаются доходы государства, т.к. коррумпированные чиновники способны частично их присвоить или за вознаграждение способны освободить отдельных налогоплательщиков от их уплаты.

Последствием коррупции является снижение доверия граждан к политической системе страны. Население, видя, что чиновники повсеместно злоупотребляют своим служебным положением и за счет этого обогащаются, могут выступать с политическими протестами против действующей власти, что нередко приводит к волнениям и мятежам. В истории России Соляной бунт 1648 г. и Медный бунт 1662 г. были спровоцированы явными коррупционными действиями высшего чиновничьего аппарата, обогащающегося за счет простого населения. В свою очередь, коррупция создает угрозу национальной безопасности. Обвинение в коррупции повышает шансы политических оппонентов свергнуть действующую власть. Веские обвинения в коррупции выдвигались против глав государств, свергнутых в ходе государственных перево-

ротов в новейшее время, в том числе: Николае Чаушеску в Румынии, Саддама Хусейна в Ираке, Муаммара Каддафи в Ливии, Хосни Мубарака в Египте, Виктора Януковича в Украине. Эти обвинения в коррупции в немалой степени стали драйвером политической борьбы с действующей властью.

Однако наряду с негативными последствиями коррупции, исследователи выделяют и ее отдельные позитивные свойства. Прежде всего, коррупция способна преодолеть недостатки неэффективно работающего бюрократического аппарат. Если в стране не выработаны эффективные правила делового оборота, не сложились оптимальные формы взаимоотношений между государством и гражданами, чиновники неспособны оказывать качественные услуги населению или действуют несовершенные законы, то коррупция может стать тем механизмом, который преодолет несовершенства действующих официальных норм и правил. Большинство исследователей согласны с мнением С. Хантингтона о том, что «хуже негибкой нечестной бюрократии может быть только негибкая честная бюрократия» [4, с. 498–499]. В этом проявляется антибюрократическая функция коррупции, которая заключается в том, что коррупция, направленная на преодоление недостатков действующих правовых норм, является меньшим злом, чем сами эти неэффективные правовые нормы, приносящие обществу больше зла. Если действующие в стране законы плохи, то осознающий это коррупционер, по его мнению, способен принести больше пользы обществу, обходя несовершенные законы и подкупая чиновников, контролирующих исполнение этих законов.

По мнению ряда авторов, наряду с антибюрократической функцией коррупция приносит пользу обществу благодаря ускорению процесса предоставления государственных услуг. Корруптор (лицо выплачивающее вознаграждение должностному лицу

для получения неправомερных преимуществ) нередко платит чиновнику взятку за совершение вполне законного действия, которое этот чиновник и так обязан был совершить. Но взятка способна повысить рвение чиновника в выполнении должностных обязанностей, сократить время их выполнения по сравнению с установленным должностным регламентом. Сотрудник мэрии получив небольшое вознаграждение или подарок может выдать заявителю запрашиваемую справку без проволочек, быстрее на несколько дней, чем это предусмотрено инструкцией. Взятничество за ускорение совершения чиновником законных действий в российском уголовном законодательстве до XX в. относилось к категории «мздоимства» и отличалось от коррупции, связанной с совершением чиновником за вознаграждение незаконных действий, которая именовалась «лихоимством». Занимаясь долгое время во Всемирном банке изучением проблем коррупции, С. Роуз-Аккерман привела обширный перечень примеров коррупции в разных странах мира, направленной на сокращение волокиты: «Поскольку время — деньги, компании и частные лица готовы платить во избежание проволочек. Во многих странах невозможно без взятки быстро получить ни квартирный телефон, ни паспорт, ни водительское удостоверение... В странах с высоким уровнем коррупции менеджеры вынуждены тратить много времени на общение с государственными чиновниками. В этом смысле Украина представляет собой экстремальный случай. В 1996 г. владельцы бизнеса и топ-менеджеры потратили в среднем 30 % рабочего времени на общение с чиновниками. В других странах этот показатель в среднем колеблется от 7 % в Сальвадоре до 15 % в Литве и Бразилии» [5, с. 16–17].

Таким образом коррупция диалектически сочетается в себе недостатки и выгоды. Безусловно, она в равной мере приносит ущерб всем гражданам страны, но

отдельным лицам, получившим за вознаграждение несправедливые преимущества, она доставляет сиюминутную пользу. Вместе с тем сиюминутная польза может в дальнейшем обернуться большим вредом. Подкупленный судья, освободивший виновного преступника, может быть ограблен или убит этим преступником, вышедшим на свободу. Преподаватель, выставивший за взятку оценку студенту-медику, который в силу своих знаний и квалификации не должен был получить диплом врача, может пострадать во время операции, которую проведет ему этот неподготовленный врач. Принявшая массовый характер коррупция в России в высших эшелонах власти перед началом и во время Первой мировой войны подточила устойчивость государства. В частности, в свое время, были обнаружены случаи коррупции в Главном по снабжению армии комитете Всероссийских земского и городского союзов (Земгоре), совершенные 1916 г., связанные с тем, что чиновники помогали фабрикантам за взятки получать выгодные военные заказы [6, с. 139]. Но воспользоваться плодами коррупции чиновники и бизнесмены не смогли, они утратили большую часть своего имущества после революции 1917 г.

В то же время одни и те же совершаемые действия и виды общественных отношений на протяжении истории страны не всегда расценивались органами власти как коррупционные. Их восприятие как коррупционных изменялось на протяжении российской истории. В какие-то периоды истории они признавались законными, а в другие — незаконными. В этой связи, целью исследования является выявление особенностей изменения восприятия коррупционных практик в истории России. Данное исследование не может претендовать на всесторонность рассмотрения всех случаев коррупции в истории России. И попытка описания истории коррупции в России рискует превратиться в составление всеобъемлющего трактата по истории

страны. Поэтому в качестве объекта исследования выбраны отдельные наиболее характерные случаи проявления коррупции в российской истории. Гипотезой исследования стало предположение о том, что конкретные коррупционные практики являются способом приспособления общества к несовершенным формам общественных отношений, сложившимся на определенном историческом этапе развития страны. При этом восприятие коррупционности действий и поступков не является неизменным на протяжении всей истории страны, оно эволюционирует под влиянием развития общественных отношений и производительных сил. На наш взгляд, коррупционные практики появляются тогда, когда еще не выработались более эффективные альтернативные формы общественных отношений, не содержащие коррупционных признаков.

Коррупция в России по мнению исследователей появилась с древних времен. А.М. Доронин и А.Н. Несмирянов связывают «появление феномена коррупции с появлением начал государственности. В Древней Руси существовал ряд терминов, выражающих социально-экономические явления, подпадающие под определение коррупции» [7, с. 138–139]. Аналогичной точке зрения придерживается А.О. Стонт, считая, что коррупция в России возникла в древности, при этом первой формой ее проявления стало «кормление»: «В нашей же стране появлению коррупции мы отчасти обязаны Византийской империи. Именно из нее еще в IX веке к нам пришла система “кормления”» [8, с. 105]. Большинство авторов, исследующих историю российской коррупции, рассматривают кормление как наиболее распространенную форму проявления коррупции.

Само по себе кормление представляет собой способ материального содержания местных должностных лиц (наместников, волостелей, тиунов) осуществ-

вляющих управление на территории, вверенной им князем. В.О. Ключевский дает следующее описание содержания и значения кормления: «Главною целью удельного областного управления было извлечение доходов из управляемого округа. Каждый правительственный акт наместника и волостеля, как и их подчиненных агентов, сопряжен был с известным сбором, так что правительственные отправления имели значение не столько действий, направленных к поддержанию порядка и охранению права, сколько значение источников дохода или доходных статей для управителей. В этом смысле должность областного управителя называлась кормлением: управитель кормился на счет управляемых в буквальном смысле этого слова. Содержание его состояло из кормов и из пошлин» [9, с. 304]. Различие кормов и пошлин заключалось в том, что первые представляли собой регулярные сборы с местного населения (обычно в натуральной форме, позднее иногда деньгами) на содержание местного чиновничьего аппарат, а пошлины носили нерегулярный характер, их уплачивало население за право совершение каких-либо действий или за получение государственных услуг (в частности, взимались такие пошлины, как судебная — с суммы иска, таможенная — с продаваемых товаров, свадебная). Недостатком системы кормления являлась слабая регламентация правил содержания должностных лиц, позволявшая им злоупотреблять своим служебным положением, о чем пишет М.В. Шедий: «Кормленная грамота, выдававшаяся наместнику, была лаконичной и, как правило, стереотипной, содержавшей призыв князя к населению: “И вы все люди той волости, чтите его и слушайте, а он вас ведает и судит, и ходит у вас по всему по тому, как было преж сего”. Все многочисленные функции воевод в наказах выражались неопределенно и малоконкретно, что давало широкий простор для их произвола, отождествлявших

управление с эксплуатацией подведомственного населения» [10, с. 90].

Современные публикации дают негативную оценку кормлению. В.С. Шадрикова отмечает: «Поскольку контроль в данной сфере над чиновниками-наместниками и их аппаратом был затруднен (особенно в судебной области), это вызывало массовые злоупотребления, протесты народа против власти в целом. Система кормления должна была быть ликвидирована. Что и произошло в результате земской реформы Ивана Грозного в середине XVI в. Однако традиции отблагодарить чиновника задержались надолго» [11, с. 514]. По мнению А.А. Тимофеевой и М.Н. Еременко система кормления привела к укоренению коррупции в российских общественных отношениях: «Начало системы взятки — “кормление”, которое появилось еще в Киевской Руси. Данное явление было полностью легальным с правовой точки зрения. Система “кормлений” была отменена в 1555 г., но к этому времени она приучила власть и народ, что подношения — лучший способ решения проблемы» [12, с. 17]. О.А. Авдеева и В.А. Авдеев утверждают, что причины коррупциогенности системы кормления коренятся в отсутствии в первом русском законодательном акте, Русской Правде, строгого регламента содержания местным населением должностных лиц. В ст. 9-10 Русской Правды установлена обязанность населения делать регулярные подношения государственным служащим, но не урегулирована процедура осуществления «кормления»: «В результате отсутствия законодательной формулы, определяющей сроки и количество взимаемых преподношений, распространение получили массовые злоупотребления со стороны должностных лиц государственного аппарата местной власти. В целях противодействия нарастающему конфликту частных-публичных интересов закономерно актуализируется проблема разработки механизма противодей-

ствия коррупции в системе органов государственной власти. Формирование антикоррупционного законодательства в России наметилось с криминализацией в Псковской судной грамоте 1397 г. ряда составов преступлений, имеющих коррупционную направленность» [13, с. 61–62].

Вместе с тем нужно иметь ввиду, что в период применения системы кормления в российском государстве эта форма содержания должностных лиц не являлась незаконной и не рассматривалась как коррупционная¹. Она была вынужденной мерой системы государственного управления, не обладавшей иным механизмом изыскать средства к существованию чиновничьего аппарата. В условиях натурального хозяйства, нестабильности товарно-денежных отношений, недостатка денег в обращении (эмиссия полноценных денег ограничивалась количеством драгоценных металлов) кормление стало удобным способом содержания государственных служащих. В отличие от денег, не подверженных потере своих потребительских свойств с течением времени, продукты питания портятся со временем, поэтому в натуральном хозяйстве удобнее периодически выдавать пропитание («корм») чиновникам по мере их потребности. Князю, не имея стабильных денежных доходов и соответственно средств для содержания местных чиновников, легче переложить эту обязанность на местное население. Тем самым система кормления решала важную задачу государственного управления в средневековой России. Появление стабильных денежных доходов в государственную казну позволило при Иване Грозном отменить систему кормления, которой свойственны значительные злоупотребления. Однако в период дефицита денежных средств с 1726 г. она была возвращена, но уже в форме акциденций, заключающихся в

¹ Здесь следует иметь ввиду, что сам термин коррупция в тот период отсутствовал в российской терминологии.

непосредственной выплате вознаграждения челобитчиком чиновнику. Такой способ взаимоотношений населения с чиновниками, признаваемый современным законодательством взяткой, просуществовал до второй половины XVIII в. [14, с. 48].

В то же время В.О. Ключевский настаивал на том, что кормление не подменяло собой оплату труда чиновников, а являлось формой поощрения отличившегося должностного лица: «Кормление — не вознаграждение за правительственный труд, а награда за службу придворную и военную, какая лежала на служилом человеке и отправлялась безвозмездно: управление городом или волостью не считалось службой. Такая награда была одним из средств содержания служилого человека и отличалась от должностного жалованья в нашем смысле тем, что получалась прямо с населения, которым правил кормленщик, а не выдавалась из общих доходов государственной казны» [9, с. 305]. И кормление в средневековье, и жалованье в последующие периоды являлись способами содержания чиновников. Но они преследовали разные цели и давали различный мотивировочный эффект при несении государственной службы. По мнению В.О. Ключевского, чиновник, работающий за жалование, это жалование и ставит целью своей службы, а саму службу, заключающуюся в исполнении должностных обязанностей, рассматривает как средство для достижения основной цели, которое для него отходит на второй план. А для кормленщика целью являются государственные обязанности, выполнение которых сопровождается регулярными подарками и вознаграждениями от местного населения.

Таким образом, кормление следует признать коррупцией, т.к. ему присущи коррупционные признаки. В частности, кормленщик был склонен использовать свое должное положение для личных целей, извлекая при этом собственную выгоду. В тоже время кормле-

ние наносило ущерб местному населению. Несмотря на то, что в разные периоды истории страны менялась правовая оценка института кормления с законного на незаконное, он всегда являлся коррупционным явлением.

Наряду с кормлением выделяют несколько форм взаимоотношений населения с чиновниками, обладающих признаками коррупции, но не являвшихся в конкретные исторические эпохи незаконными действиями. А.М. Иванов и Э.А. Котова составили список событий и форм правовых отношений из истории России, которые, по их мнению, носят коррупционный характер. К их числу они отнесли попытку князя Игоря повторно взять дань с древлян, что можно расценить как произвол должностного лица, пользующегося своим служебным положением. Так, в Русской Правде в «ст. 42 сбор виры осуществлялся в пользу князя, из этого можно сделать вывод, что “Русская правда” узаконивает мздоимство» [15, с. 37]. Кроме того, признаками коррупции обладал процесс вступления в должность великого князя. Для вступления в эту должность соискатель должен был получить «ярлык», ханскую грамоту, дававшую право на титул великого князя. Соискатель ехал в Сарай за получением ханского ярлыка обязательно с подарками самому хану и его окружению, которые в настоящее время квалифицировались бы в качестве уголовно наказуемой взятки.

Первое упоминание о коррупции в древнерусском законодательстве встречается в Двинской уставной грамоте 1397–1398 гг., в которой содержится запрет наместнику отпускать вора за взятку. А Псковской судной грамотой 1397 г. установлен запрет на принятие «тайных посулов», но в этом документе отсутствует ответственность за указанные проступки [10, с. 91]. Таким образом можно предположить, что до конца XIV в. в России дача взятки чиновнику считалась вполне

допустимым, не предосудительным и ненаказуемым поступком, который соответствовал принятым в то время правилам делового поведения.

Истцы для ускорения решения дела в суде давали судье «посулы», который благодаря этому подарку мог рассмотреть дело в свободное от основных обязанностей время, тем самым ускоряя процесс оказания государственных услуг. Традиционный посул не превышал 8 рублей, передача «лишка», сверх обычной суммы, уже рассматривалось как противоправное деяние [7, с. 139].

До воспрещения, введенного Соборным уложением 1649 г., на Руси считалось приемлемым давать добровольные подарки судьям как до рассмотрения дела в суде, так и после: «В представлении людей XVII в. существовало четкое деление доходов “от дел” на законные и незаконные, хотя с позиций правовых норм более позднего времени отличия между “почестьями”, “поминками” и “посулами” были едва различимы. Так, например, “почестье” (“почесть”) в качестве формы добровольного приношения до начала рассмотрения дела в суде было легитимным еще в Древней Руси. Вполне приемлемыми считались и “поминки”, означавшие приношения после завершения судебного дела» [16, с. 46].

Коррупционными признаками обладает порядок служебных отношений, сложившийся в Московском царстве на рубеже XV–XVI вв. под названием местничества. Местничество устанавливало систему распределения государственных должностей. При назначении на должность учитывались не личные способности, опыт и заслуги претендента, а знатность его происхождения, которая оценивалась генеалогическим положением рода, к которому принадлежал претендент, по отношению к родовитости иных должностных лиц, с кем будет вступать в служебные отношения назначаемое лицо, т.е. по отношению к

тому, кто будет подчиняться ему и у кого он будет находиться в подчинении. Иерархия родовитости была закреплена разрядными книгами, которые вели дьяки Разрядного приказа. Местничество создавало служебные привилегии родовитой аристократии, регулируя служебные отношения и карьерный рост в зависимости от родственных связей. Это, как отмечает В.О. Ключевский, снижало качество системы государственного управления в стране: «Оно ставило служебные отношения бояр в зависимость от службы их предков, т.е. делало политическое значение лица или фамилии не зависимым ни от личного усмотрения государя, ни от личных заслуг или удач служилых людей... Вводя в государственную службу ценз породы, оно ограничивало верховную власть в самой щекотливой ее прерогативе, в праве подбора подходящих проводников и исполнителей своей воли: она искала способных и послушных слуг, а местничество подставляло ей породистых и зачастую бестолковых неслухов» [9, с. 202–203].

В современной практике кадровых отношений на государственной службе местничество запрещено и рассматривается как nepotизм (кумовство), т.е. предоставление привилегий при приеме на работу родственникам и друзьям независимо от их профессиональных способностей. Законом РФ от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ст. 16) запрещается принимать на работу родственников, если эта должность связана с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью родственников между собой.

Местничество было отменено Земским Собором в 1682 г. Однако нужно иметь в виду, что эта форма распределения служебных должностей была во многом вынужденной мерой, т.к. в российском государстве того времени не сложилось альтернативной, более совершенной системы осуществления кадровой политики. По мнению Д.М. Володихина, местничество

выполняло важную функцию обеспечения устойчивости российского государства в условиях, когда еще не был выработан эффективный механизм распределения должностей: «Если бы не была создана система местничества, о которой сейчас принято говорить как о сугубом зле, то все знатные люди то и дело устраивали бы усобицы и перевороты, споря за место у кормила власти. Сложная система местнических счетов иной раз приносила немалый вред. Однако она худо-бедно примиряла служилых аристократов, определяла, кому на какой должностной уровень можно претендовать. Местничество фактически спасло Московское государство от тяжелых внутренних войн, борьбы всех против всех» [17, с. 8]. Местничество, как форма осуществления государственной кадровой политики, не воспринималась в качестве коррупции самой старорусской аристократией (боярами), а первое время и служилыми людьми, чьи права карьерного роста ограничивались местничеством. Споры возникали о трактовке правил применения разрядных книг при распределении служебных должностей.

Тем самым в истории России сложились предпосылки к формированию коррупционных форм взаимоотношений населения с чиновниками. Благодаря выгоде, получаемой коррумпированным чиновником, и привилегиям, присваиваемым корруптором, коррупционные формы взаимоотношений укоренились в российской практике. М.В. Шедий утверждает: «Считается, что Россия — это страна, социально, исторически и ментально предрасположенная к коррупции. Соответственно, национальная специфика российской коррупции видится в глубочайшей укорененности взяточничества в социальной системе, российской истории и национальном менталитете». В этой связи, «коррупция как социальное явление представляет собой не только особый вид криминальных действий, но и часть культуры населения, а также от-

ражает состояние дисфункции социальной системы в целом и системы административного управления» [10, с. 90, 95]. К XVII в. стали формироваться твердые убеждения в порочности многих действий, которые ранее рассматривались как обычные правила деловых отношений, облегчающих решение проблемных вопросов, был осознан ущерб, наносимый коррупцией, хотя в то время еще не имевшей такого названия. Осознание вреда, приносимого коррупционными практиками, а также выработка альтернативных форм общественных отношений, позволявших отказаться от коррупционных действий, приводило к делегитимизации устаревших коррупционных практик. Вводилось уголовное наказание за совершение действий, относимым к коррупционным практикам, потребность в которых уже отпала у органов власти. Можно сказать, что коррупционные практики с момента своего появления, еще в период своего легального применения, носили в себе зародыш противоправности, который мог прорасти только с момента появления альтернативных не коррупционных форм общественных отношений и осознания превышения общественного ущерба от коррупционных практик над выгодами от их применения.

Укоренившиеся коррупционные практики в России не удавалось побороть ужесточением наказаний, а их распространение приводило к возникновению курьезных ситуаций. При Петре I взяточничество и казнокрадство достигли небывалых масштабов. Императору регулярно докладывали о случаях коррупции при расходовании казенных средств на осуществление государственных нужд, в т.ч. совершенных высшими должностными лицами государства, включая его приближенных. Очередной раз заслушивая в Сенате сообщения о хищениях Петр I, выйдя из себя, приказал составить указ, согласно которому, всякий укравший из казны сумму, достаточную для покупки

веревки, будет на ней повешен. Успокоил императора генерал-прокурор Ягужинский, чья функция заключалась в пресечении злоупотреблений служебным положением, сказав Петру I: «Разве, ваше величество, хотите остаться императором один, без подданных? Мы все ворует, только один больше и приметнее, чем другой» [9, с. 651]. Рассмеявшись, Петр I отказался от столь кардинального способа преследования коррупционеров.

Коррупция стала частью делового оборота, взятки стали удобным инструментом достижения результата при общении с чиновниками. О широком распространении мздоимства и лихоимства в государственном аппарате и в судебных органах говорится в манифесте от 18 июля 1792 г. и в указе от 17 февраля 1793 г., изданных Екатериной II. Коррупционные практики в чиновничьей среде в то время, по утверждению Н.Ю. Болотиной, приобретают форму обычая: «веками формировавшаяся наследственная идеология чиновников привела к тому, что они уже, наверное, на генетическом уровне понимали: в определенных пределах правительство позволяет им пользоваться своим должностным положением, “кормиться у дел”, тем самым дает дополнительный заработок; главное оставаться верным трону» [18, с. 57].

Взятничество не было предосудительным явлением для деловых кругов, скорее возможность дать взятку, а у чиновника склонность ее взять, рассматривались как благоприятный способ получения привилегий при осуществлении хозяйственной деятельности. В XIX в. князя Голицыны не стеснялись заносить в свои хозяйственные отчеты сведения о передаче взяток чиновникам для получения преимуществ при заключении контрактов на поставку товаров, на получение прав торговли и занятий промыслами. Историки, изучая ведомости главного правления пермских заводов, промыслов и вотчин князей Голицыных, с

интересом анализируют, как изменялись правила и предпочтения давать взятки в разные периоды их предпринимательской деятельности: «Если на первом этапе (с мая 1804 по май 1805 г.) свыше 60 % этих подношений составляли натуральные выплаты: хлебными припасами, вареньем, сахаром, лимонами, фуражом и другими продуктами, то в 1852 — мае 1853 г. на «помощь чиновникам по делам» Голицыны израсходовали в общей сложности 29 506 руб., из них 1 406 руб. припасами, что составило 5 % от всей суммы» [16, с. 49]. Из этой отчетности можно узнать «тарифы» взяток. Для получения в Сенате нужного судебного решения о передаче князю Голицину села Яйвенского было уплачено взяток на сумму около 6 000 руб., которые распределились следующим образом: «овер-секретарю — 3000 руб., секретарю — 2000 руб., повытчику — 600 руб., да ему же особо за копии, одну с поданного к сему делу прошения г. Всеволожского, а другую со сделки его Всеволожского с г. Лазаревым, учиненную в 1804 году, 50 руб., регистратору также за услуги по сему делу — 200 руб., и на угощение последних троих употреблено в разное время 75 рублей» [там же, с. 49].

К XIX в. уже выработалось представление о вреде, приносимом коррупцией государству, поэтому разрабатывалось большое количество мер по борьбе с этим явлением. Борьба с коррупцией стала носить системный характер. В то же время развитие капиталистических форм производства во второй половине XIX в. подсказывало дельцам новые приемы коррупционных практик. В то время владельцы акционерных обществ, банков стали вводить в состав правления своих предприятий высших государственных чиновников, выплачивая им за номинальное присутствие официальное крупное жалование. На имя госслужащих записывали акции, продавая которые этот чиновник получал официальный доход. Для борьбы со скрытыми взятками Александр III в декабре 1884 г. утвердил Указ

«О порядке совмещения государственной службы с участием в торговых и промышленных товариществах и компаниях, а равно в общественных и частных кредитных установлениях» в соответствии с которым государственным служащим, в целях укрепления авторитета государственной службы и «охранения ее достоинства», воспрещалось принимать участие в учреждении железнодорожных, пароходных, страховых и других торговых, промышленных товариществ, общественных и частных кредитных ассоциаций, а также запрещалось занимать какие-либо должности как в торгово-промышленных компаниях, так и в различного рода кредитных товариществах [10, с. 95].

С эволюцией форм коррупции, эволюционирует законодательство, направленное на борьбу с нею. В 1903 г. впервые в российской практике появляется термин «взятка», который законодательно был закреплен в Уголовном уложении (ст. 149 и 150). В предыдущем Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.) отношения, связанные с передачей вознаграждения должностному лицу, именуются устаревшими терминами «мздоимство» и «лихоимство» [19, с. 113].

В советский период истории России из-за ликвидации частной собственности снижалась деловая активность, т.к. для лиц, работающих на государственных предприятиях проявление предприимчивости и энергичности в своей трудовой деятельности, слабо вознаграждалось. В 30-х годах XX в. руководители советских предприятий находили коррупционные способы материального стимулирования работников других предприятий, от товаров и услуг которых зависели результаты их производственной деятельности. Выплачивая премии работникам других организаций, руководство предприятия ожидало получение премии за выполнение своего плана, который мог находиться под угрозой. Чаще всего стимулировали работников предприятий железнодорожного транспорта, от которых

зависели поставки сырья и вывоз готовой продукции. Для борьбы с этим явлением в апреле 1934 г. было принято Постановление СНК СССР «О премировании ж/д работников и о совместительстве работы на транспорте с работой в других предприятиях и учреждениях», которое запрещало смежным предприятиям выдавать премии работникам железнодорожного транспорта, а самим железнодорожникам совмещать свою работу с работой в других организациях. В декабре 1934 г. Циркуляром Прокуратуры СССР «О незаконном премировании» рекомендовалось привлекать к уголовной ответственности работников, принимавших премии от предприятий-заказчиков [16, с. 55].

Таким образом на протяжении всей истории России общественные отношения содержат коррупционные практики, которые проявляются с разной степенью масштабности. В более ранние периоды истории формы отношений, расцениваемые в соответствии с современной точки зрения как коррупционные, противоправными не считались. С течением времени действия, содержащие признаки коррупционных поступков, переосмысливались, вводилось их уголовное преследование. Коррупционными признавались действия и формы общественных отношений, которые ранее считались вполне законными и удобными. Противоправными они признавались позднее, когда приходило осознание общественного ущерба от применения коррупционных практик, превышавших преимущества от их применения.

Таким образом коррупцию стоит рассматривать как институциональную ловушку, которая на определенном историческом этапе развития страны позволяет преодолеть сложившуюся проблему в какой-то сфере общественных отношений. В.М. Полтерович приводит следующую оценку институциональной ловушки: «Неэффективная устойчивая норма является институциональной ловушкой. Норма — это прави-

ло, которому следуют или должны следовать большие группы агентов. Для того, чтобы норма поведения была устойчива, агентам должно быть невыгодно от нее отклоняться. Термин “институциональная ловушка” применяется к неэффективным равновесиям, порождаемым соответствующими нормами» [20, с. 7]. Возникшие коррупционные практики позволяют некоторым участникам общественных отношений получить привилегии, извлекать личные выгоды из своего служебного положения, но в тоже время эти практики становятся удобным инструментом решения актуальной задачи общественной жизни. Со временем удается найти альтернативный не коррупционный способ справиться с возникшей проблемой, но коррупционный путь ее решения оказывается более удобным для некоторых участников общественных отношений. Выгоды, извлекаемые коррумпированными чиновниками и их клиентами, сохраняют живучесть коррупционных практик. Коррупционные практики становятся устойчивыми и функционируют параллельно с альтернативными законными практиками. Тем самым коррупция становится институциональной ловушкой, укоренившимся набором правил и норм поведения, позволяющим, в силу привычки, решать задачи в общественной жизни. Выгоды, возникающие при следовании коррупционным практикам, делают их устойчивыми, благодаря чему институциональная ловушка закрепляется.

Коррупция выступает способом адаптации человека к новым социальным условиям, для которых он не находит иной модели поведения, коррупционная модель становится для него наиболее эффективной. При этом нормы поведения не являются застывшими, они изменяются под влиянием вызовов окружающей человека социальной среды. Если изменяется социальная среда, то может измениться и модель поведения — с законопослушной на коррупционную, и на-

оборот. Социологические исследования российских граждан, уезжавших за границу, демонстрируют изменение склонности респондентов к коррупционным практикам. Если в России на рубеже XX–XXI вв. была распространена практика давать взятки сотрудникам ГАИ во избежание наказания за нарушение правил дорожного движения, то при переезде в страны, в которых не принято давать взятки сотрудникам дорожной полиции, выходцы из России принимали сложившиеся правила поведения в коррупционной ситуации и уже не предлагали взятки. Хотя, по сообщениям респондентов, возвращаясь в Россию, эти лица опять принимали сложившиеся в стране коррупционные практики, и готовы были давать взятки во избежание наказания за нарушение правил дорожного движения.

Формирование коррупционной институциональной ловушки прослеживается на примере трансформации института оплаты труда чиновников. В ранние периоды российской истории содержание местных чиновников осуществлялось в форме кормления. Не обладая достаточными денежными средствами для выплаты жалования центральное правительство перекладывало обязанность по содержанию местных чиновников на местное население, где эти чиновники и выполняли государственные управленческие функции. В средневековый период истории России кормление стало удобной формой реализации института оплаты труда. Со временем, создав механизм мобилизации государственных доходов, кормление было заменено более прогрессивной формой жалования, обеспечивающей независимость чиновника от его клиентов. В то же время практики личных обращений частных лиц к чиновникам, сопровождаемые подарками для ускорения рассмотрения дела и принятия решения в пользу дарителя, укоренились. Они были выгодны и чиновникам, и дарителям, поэтому принятые

при кормлении нормы обращения к должностным лицам сохранились, несмотря на то, что наносили ущерб всему остальному обществу. В этой связи свойственные кормлению формы общественных отношений сохранились, а система вознаграждения российских чиновников попала в институциональную ловушку, для которой свойственно стремление граждан при обращении к должностным лицам давать взятку, а у чиновников — готовность принимать взятку.

Таким образом, была подтверждена первоначальная гипотеза исследования. Восприятие коррупционных практик эволюционирует на протяжении российской истории. В конкретные исторические эпохи они расцениваются как законные и удобные способы решения государственных задач, в иные исторические эпохи эти же коррупционные практики признаются незаконными. В тоже время различные формы и виды коррупции не являются застывшими моделями поведения в определенных сферах общественных отношений. Они изменяются под воздействием потребностей конкретной исторической эпохи страны. Однако отдельные формы коррупционных отношений, не отвечающие требованиям современной эпохи, не отживают, они сохраняют свою живучесть несмотря на ущерб, приносимый ими обществу. Такого рода устаревшие формы общественных отношений, содержащие коррупционные нормы и стереотипы поведения, представляют собой институциональные ловушки.

Вполне возможно, что со временем изменится восприятие привычных для нас поступков: те формы общественных отношений, которые сейчас не рассматриваются как предосудительные, в будущем будут квалифицироваться как коррупционные. Мы привыкли считать обыденными случаи, когда театральная кассир оставляет знакомому человеку билеты на спектакль, отказывая тем самым в посещении театра другими людям, обратившимся в кассу, либо работник

поликлиники записывает своих друзей к врачам, ограничивая посещение больницы иными лицами. Если должностное лицо театра или поликлиники получает за свою услугу вознаграждение в виде шоколадки или рассчитывает получить встречные услуги в будущем, то эти поступки обладают признаками коррупции. Устройство родственника или хорошего знакомого на высокооплачиваемую должность в соответствии с действующими правилами несения государственной службы сейчас не является противозаконным действием, хотя представляет собой разновидность коррупции в форме nepotизма. Не исключено, что восприятие этих действий со временем эволюционирует и они будут расцениваться как коррупционные и их будут преследовать по закону.

Список использованной литературы

1. История Китая / В.В. Адамчик, М.В. Адамчик, А.Н. Бадан [и др.]. — Москва : АСТ ; Минск : Харвест, 2005. — 736 с.
2. Митрофанов Н.В. Коррупция в российском высшем образовании / Н.В. Митрофанов. — DOI 10.31085/2310-8681-2020-4-208-140-147. — EDN JSOLFS // Союз криминалистов и кримиологов. — 2020. — № 4. — С. 140–147.
3. Куаналиев А.А. Коррупция как фактор, влияющий на уровень процветания / А.А. Куаналиев. — DOI 10.24411/2520-6990-2020-11868. — EDN GFKSAO // Colloquium-Journal. — 2020. — № 13-4 (65). — С. 69–75.
4. Huntington S. Political Order in Changing Societies / S. Huntington. — New Haven, CT : Yale University Press, 1968. — 516 p.
5. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы / С. Роуз-Аккерман. — 2-е изд. — Москва : Логос, 2010. — 356 с.
6. Есипов И.Е. Борьба с коррупцией в России: история и современность / И.Е. Есипов. — EDN CZJEVE // Актуальные вопросы экономики и управления : сб. науч. тр. VII Всерос. (национальной) науч.-практ. конф., Магнитогорск, 03 апр. 2023 г. — Магнитогорск, 2023. — С. 136–143.
7. Доронин А.М. Борьба с коррупцией в дореволюционной России (историко-правовой аспект) / А.М. Доронин,

А.Н. Несмиянов. — EDN WINPTP // Актуальные вопросы развития государственности и публичного права : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 29 сент. 2023 г. — Санкт-Петербург, 2023. — Т. 1. — С. 137–145.

8. Стонт А.О. Традиции как фактор становления коррупционных преступлений / А.О. Стонт. — EDN JUDREG // Российская государственность: история и современность : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Абакан, 27 окт. 2023 г. — Абакан, 2023. — С. 105–106.

9. Ключевский В.О. Русская история / В.О. Ключевский. — Москва : Эксмо, 2006. — 912 с.

10. Шедий М.В. Социальная обусловленность возникновения коррупционных отношений в российском социуме / М.В. Шедий. — EDN NSEOAC // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2012. — № 3 (27). — С. 90–96.

11. Шадрикова В.С. Исторический экскурс антикоррупционной борьбы в российском государстве / В.С. Шадрикова. — EDN EDSMAY // Наукосфера. — 2023. — № 1-1. — С. 512–516.

12. Тимофеева А.А. Коррупция в России как угроза национальной безопасности: историко-правовой аспект / А.А. Тимофеева, М.Н. Еременко. — DOI 10.47475/2311-696X-2023-10202. — EDN PVSQCS // Правопорядок: история, теория, практика. — 2023. — № 2 (37). — С. 15–21.

13. Авдеева О.А. Антикоррупционное законодательство России: ретроспективный анализ формирования механизма правового воздействия / О.А. Авдеева, В.А. Авдеев. — DOI 10.17803/1729-5920.2020.158.1.059-069. — EDN QUTFFT // Lex Russica (Русский закон). — 2020. — Т. 73, № 1 (158). — С. 59–69.

14. Короткова О.А. Коррупция как неотъемлемое явление государственного управления / О.А. Короткова, И.С. Соколов. — DOI 10.24411/2073-3313-2019-10289. — EDN QAIWUS // Закон и право. — 2019. — № 7. — С. 46–49.

15. Иванов А.М. История развития коррупции, как фактор деморализации общества / А.М. Иванов, Э.А. Котова. — EDN HZRBHB // Modern Science. — 2022. — № 7. — С. 37–42.

16. Бабенко В.Н. Коррупция в России: от обычаев и традиций к образу жизни? / В.Н. Бабенко. — EDN KXYPST // Россия и современный мир. — 2009. — № 4 (65). — С. 44–61.

17. Володихин Д.М. Воеводы Ивана Грозного / Д.М. Володихин. — Москва : Вече, 2009. — 320 с.

18. Болотина Н.Ю. Взятка на Руси / Н.Ю. Болотина // Вестник архивиста. — 2001. — № 4-5. — С. 39-58.

19. Бредихин А.Л. Развитие уголовной ответственности за взяточничество в истории России / А.Л. Бредихин, А.А. Удальцов. — EDN PAMIWJ // Юридическая наука: история и современность. — 2022. — № 4. — С. 112-115.

20. Полтерович В.М. Институциональные ловушки: есть ли выход? / В.М. Полтерович. — EDN OWOHPR // Общие и современные науки и современность. — 2004. — № 3. — С. 5-16.

References

1. Adamchik V.V., Adamchik M.V., Badan A.N., Voinich I.E., Volchek N.M., Konev E.F. [et al.]. *History of China*. Moscow, AST Publ., Minsk, Kharvest Publ., 2005. 736 p.

2. Mitrofanov N.V. Corruption in Russian Higher Education. *Soyuz kriminalistov i kriminologov = The Union of Criminalists and Criminologists*, 2020, no. 4, pp. 140-147. (In Russian). EDN: JSOLFS. DOI: 10.31085/2310-8681-2020-4-208-140-147.

3. Kuanaliyev A.A. Corruption as a Factor Affecting the Level of Prosperity. *Colloquium-Journal*, 2020, no. 13-4, pp. 69-75. (In Russian). EDN: GFKSAO. DOI: 10.24411/2520-6990-2020-11868.

4. Huntington S. *Political Order in Changing Societies*. New Haven, CT, Yale University Press, 1968. 516 p.

5. Rose-Ackerman S. *Corruption and Government. Causes, Consequences, and Reform*. Cambridge University Press, 1999. 266 p. (Russ. ed.: Ackerman S. *Corruption and Government. Causes, Consequences, and Reform*. Moscow, Logos Publ., 2010. 356 p.).

6. Esipov I.E. The Fight Against Corruption in Russia: History and Modernity. *Current Issues of Economics and Management. VII All-Russian (National) Scientific and Practical Conference, Magnitogorsk, 03 April, 2023*. Magnitogorsk, 2023, pp. 136-143. (In Russian). EDN: CZJEVE.

7. Doronin A.M., Nesmiyanov A.N. The Fight Against Corruption in Pre-Revolutionary Russia (Historical and Legal Aspect). *Topical Issues of the Development of Statehood and Public Law. Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference, Saint Petersburg, September 29, 2023*. Saint Petersburg, 2023. Vol. 1, pp. 137-145. (In Russian). EDN: WIHPTP.

8. Stont A.O. Traditions as a Factor in the Formation of Corruption Crimes. Russian State: History and Modernity. *Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Abakan, October 27, 2023*. Abakan, 2023, pp. 105-106. (In Russian). EDN: JUDREG.

9. Klyuchevskii V.O. *Russian History*. Moscow, Ehksmo Publ., 2006. 912 p.

10. Shedij M.V. Social Conditionality of Occurrence of Corruption Relations in the Russian Society. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, 2012, no. 3, pp. 90–96. (In Russian). EDN: NSEOAC.

11. Shadrikova V.S. Historical Digression of the Anti-Corruption Struggle in the Russian State. *Naukosfera = Scienceosphere*, 2023, no. 1-1, pp. 512–516. (In Russian). EDN: EDSMAY.

12. Timofeeva A.A., Yermenko M.N. Corruption in Russia as a Threat to National Security: Historical and Legal Aspect. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = The Rule of Law: History, Theory, Practice*, 2023, no. 2, pp. 15–21. (In Russian). EDN: PVSQCS. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10202.

13. Avdeeva O.A., Avdeev V.A. Anti-Corruption Legislation of Russia: A Retrospective Analysis of the Formation of the Mechanism of Legal Effect. *Lex Russica*, 2020, vol. 73, no. 1, pp. 59–69. (In Russian). EDN: QUTFFT. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.158.1.059-069.

14. Korotkova O.A., Sokolov I.S. Corruption as an Integral Phenomenon of Public Administration: Historical Aspect. *Zakon i pravo = Law and Right*, 2019, no. 7, pp. 46–49. (In Russian). EDN: QAIWUS. DOI: 10.24411/2073-3313-2019-10289.

15. Ivanov A.M., Kotova Eh.A. The History of the Development of Corruption as a Factor in the Demoralization of Society. *Modern Science*, 2022, no. 7, pp. 37–42. (In Russian). EDN: HZRBHB.

16. Babenko V.N. Corruption in Russia: From Traditions and Customs to a Mode of Life? *Rossiia i sovremennyi mir = Russia and the Contemporary World*, 2009, no. 4, pp. 44–61. (In Russian). EDN: KXYPST.

17. Volodikhin D.M. *Voivodes of Ivan the Terrible*. Moscow, Veche Publ., 2009. 320 p.

18. Bolotina N.Yu. Bribe in Rus'. *Vestnik arkhivista = Herald of an Archivist*, 2001, no. 4-5, pp. 39–58. (In Russian).

19. Bredikhin A.L., Udaltsov A.A. The Development of Criminal Liability for Bribery in the History of Russia. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and the Presence*, 2022, no. 4, pp. 112–115. (In Russian). EDN: PAMIWJ.

20. Polterovitch V.M. Institutional Traps and Ways Out. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Science and Modernity*, 2004, no. 3, pp. 5–16. (In Russian). EDN: OWOHPR.

Информация об авторе

Федотов Дмитрий Юрьевич — доктор экономических наук, профессор, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация; главный научный сотрудник, Институт исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики, Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: fdy@inbox.ru. <https://orcid.org/0000-0001-9908-802X>; SPIN-код: 1199-7819; AuthorID РИНЦ: 129009.

Author

Dmitry Yu. Fedotov — D.Sc. in Economics, Associate Professor, Professor of the Department of International Relations and Customs Affairs, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation; Chief Researcher, Institute for Research of Socio-Economic Transformations and Financial Policy, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation; e-mail: fdy@inbox.ru. <https://orcid.org/0000-0001-9908-802X>; SPIN-Code: 1199-7819; AuthorID RSCI: 129009.

Для цитирования

Федотов Д.Ю. Эволюция восприятия коррупционных практик в истории России / Д.Ю. Федотов. — DOI 10.17150/2308-2488.2024.25(1).119-149 // Историко-экономические исследования. — 2024. — Т. 25, № 1. — С. 119–149.

For Citation

Fedotov D.Yu. Evolution of the Perception of Corrupt Practices in the History of Russia. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* = *Journal of Economic History & History of Economics*, 2024, vol. 25, no. 1, pp. 119–149. (In Russian). DOI: 10.17150/2308-2488.2024.25(1).119-149.